

На правах рукописи

Сарач Хакан

**ПРИРОДНО-ЛАНДШАФТНЫЙ КОД КУЛЬТУРЫ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКОВ)**

Специальность 10.02.19 – Теория языка

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2016

Работа выполнена на кафедре общей теории словесности филологического факультета ФГОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

Научный руководитель: доктор филологических наук, доцент
Гудков Дмитрий Борисович

Официальные оппоненты: **Брагина Наталья Георгиевна**,
доктор филологических наук, профессор
кафедры русской словесности и межкультурной
коммуникации ФГБОУ ВО «Государственный
институт русского языка имени А.С. Пушкина»

Дронов Павел Сергеевич,
кандидат филологических наук, научный
сотрудник научно-образовательного центра
теории и практики коммуникации имени Ю.С.
Степанова (НОЦ ТипК) ФГБУН «Институт
языкознания РАН»

Ведущая организация: ИНИОН РАН «Институт научной информации по
общественным наукам»

Защита диссертации состоится «28» сентября 2016 года в 16.00 на заседании диссертационного совета Д.501.001.24 при ФГУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносов» по адресу: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ имени М.В. Ломоносова, 1-й учебный корпус, филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова».

Полный текст диссертации размещен на сайте филологического факультета ФГОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»:

http://www.philol.msu.ru/~ref/dcx/2016_SarachH_diss_10.02.19_24.pdf

Автореферат разослан «__» _____ 2016 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

А.М. Белов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Настоящая работа посвящена анализу природно-ландшафтного кода культуры на материале фразеологических единиц русского и турецкого языков с позиций лингвокультурологического подхода.

Актуальность настоящего исследования определяется тем, что, несмотря на внимание многих исследователей к описанию различных культурных кодов (В.Н. Телия, М.Л. Ковшова, В.В. Красных, Д.Б. Гудков, И.В. Зыкова, О.В. Макарова, Е.Г. Кольовска, И.В. Захаренко и др.), комплексного и системного описания природно-ландшафтного кода культуры не проводилось, более того, единицы данного кода культуры не изучались на базе сопоставительного анализа русского и турецкого языков. Изучение и описание кодов культуры, отражающих универсальные черты и национально-культурные особенности в языке и закрепленных в конкретной языковой картине мира, способствует достижению взаимопонимания между представителями разных народов и разных культур, помогает избежать коммуникативных неудач и нежелательных ошибок в ситуации опосредованной и непосредственной межкультурной коммуникации, дает возможность быстро и успешно формировать и развивать лингвокультурную компетенцию как одну из составляющих коммуникативной компетенции.

Объектом исследования является код культуры как способ описания окружающего мира и как вторичная семиотическая система в ее соотношении с системой естественного языка, в которой знаки языка обладают особой символической семантикой.

В качестве **предмета** изучения выступают соотносимые с природно-ландшафтным кодом культуры единицы русского и турецкого языков (лексемы, фразеологизмы, паремии), приобретающие культурно-значимые смыслы на основе метафорического переосмысления окружающего мира разными народами (в нашем случае – русским и турецким).

Цель настоящей работы заключается в выявлении и описании особенностей семантики обладающих культурно значимым смыслом лексем и фразеологических единиц, относящихся к природно-ландшафтному коду культуры в русском и турецком языках, с целью дальнейшего сбора и подготовки материалов для создания русско-турецкого лингвокультурологического словаря.

Для достижения указанной цели необходимо решение следующих исследовательских **задач**:

- 1) Проанализировать научную литературу, касающуюся вопроса изучения взаимосвязи языка и культуры.
- 2) Определить базовые понятия и методы, необходимые для данного исследования.
- 3) Отобрать для анализа языковые единицы (лексемы, фразеологизмы, паремии), в которых ярко отражается природно-ландшафтный код русской и турецкой лингвокультур.
- 4) Проиллюстрировать функционирование анализируемых языковых единиц примерами из текстов разных типов.
- 5) Разработать алгоритм анализа языкового материала.
- 6) Провести комплексный анализ языковых данных, выявить и описать закрепленное в русской и турецкой языковых картинах мира представление о пространстве.
- 7) Определить общие и различные национально-культурные черты русской и турецкой языковых картин мира с учетом полученных данных на основе проведенного сравнительно-сопоставительного анализа, выявить и описать базовые сходства и различия в представлениях о пространстве, зафиксированные в языке.
- 8) На основе проведенного сравнительно-сопоставительного анализа сделать выводы об особенностях бытования природно-ландшафтного кода в лингвокультурном пространстве.

«Ключ к пониманию основ мышления и процессов создания не только специфического видения мира, но и его универсального образа»¹ можно найти, анализируя языковые данные, которые закрепляют и хранят культурные смыслы. С учетом вышеуказанного предположения нами был выбран **лингвокультурологический метод исследования**, который позволяет провести тщательное изучение языковых данных, в которых проявляются национально-культурные представления о пространстве, соотносимые с древнейшими архетипическими и мифологическими представлениями русской и турецкой лингвокультур.

Кроме того, в процессе исследования применялись следующие **методы**: структурно-семантический анализ, лексикографический анализ, сопоставительный анализ.

Научная новизна работы состоит в изучении и описании тематического поля “природа и ландшафт” в русской и турецкой языковых картинах мира. В настоящем исследовании, во-первых, впервые предпринята попытка описания природно-ландшафтного кода русской и турецкой лингвокультур с позиций лингвокультурологического подхода, во-вторых, впервые результаты изучения материалов русского языка сопоставляются с результатами исследования турецких языковых данных в рамках лингвокультурологического исследования для того, чтобы определить зоны совпадения и несовпадения тематических полей.

На защиту выносятся следующие **положения**:

- 1) Поскольку пространство в языковой картине мира выступает как одно из основных понятий, в которых заключены базовые представления человека об окружающей его среде и которые отражают процесс освоения мира человеком, анализ пространства позволяет нам выявить

¹ Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 5-32.

как специфические национально-культурные, так общие черты для определенных лингвокультурных сообществ.

- 2) Будучи основными элементами категорий пространства, “природа” и “ландшафт” обладают как универсальными, так и национально специфическими чертами. Лингвокультурологический анализ конкретного языкового материала позволяет обнаружить и охарактеризовать общее и различное в представлениях о пространстве, существующих в русской и турецкой лингвокультурах.
- 3) “Природа” и “Ландшафт”, освобождаясь от своей материальной и физической натуры, становятся культурными знаками, в которых отражены базовые представления о пространстве.
- 4) Код культуры выступает по отношению к естественному языку как вторичная семиотическая система.
- 5) Помимо своего общеязыкового значения, единицы природно-ландшафтного кода обладают культурно-значимой семантикой, особым символическим значением. Символические значения наиболее ярко проявляются во фразеологизмах, так как они имеют тропеическую природу.
- 6) Лингвокультурологический анализ природно-ландшафтного кода, одного из базовых кодов культуры, может позволить расшифровать архетипические представления о пространстве, зафиксированные в языках представителей различных лингвокультур.
- 7) Реконструкция, концептуализация, категоризация, структурирование представлений о пространстве могут реализовываться при анализе знакового воплощения основных составляющих природного ландшафта (‘гора’, ‘лес’, ‘море’, ‘река’, ‘пропасть’ и др.).
- 8) Лингвокультурологический подход позволяет выявить базовые представления о пространстве, представленные в языке и отражающие

особенности членения этого фрагмента действительности представителями различных лингвокультур.

Материалом работы служат фразеологические единицы русского и турецкого языков, отобранные из наиболее авторитетных современных (печатных и электронных) толковых и фразеологических словарей, словарей пословиц и поговорок, словарей-справочников, историко-этимологических словарей и энциклопедией (12 русских и 9 турецких словарей). Общий объем исследовательского материала включает 10 лексем, 60 фразеологизмов, более 100 паремий русского и турецкого языков, было проанализировано свыше 3000 контекстов. Общий корпус текстов включает в себя тексты, представленные в разных словарях, в современных художественных произведениях, в материалах масс-медиа (в газетных и журнальных публикациях, размещенных в сети Интернет), в Национальном корпусе русского языка (www.ruscorpora.ru), на официальном сайте Турецкого Лингвистического Общества (www.tdk.gov.tr), в устной речи, а также контексты, найденные нами посредством поисковой системы (www.google.com).

Теоретическая значимость настоящей работы заключается в том, что проведенное исследование вносит вклад в систематизацию научных знаний в русле лингвокультурологии: уточняет понятие природно-ландшафтного кода культуры, определяет его место в ряду других кодов культуры, выявляет и описывает представления носителей русского и турецкого языков о природе как фрагменте языковой картины мира, разрабатывает лексикографические принципы описания структурно-семантических единиц природно-ландшафтного кода лингвокультуры, а также выявляет способы их функционирования в языке.

Практическая ценность работы обусловлена тем, что достижение поставленной цели может служить источником дальнейших исследований на более разнообразном и богатом материале; полученные в ходе проведенного анализа теоретические и экспериментальные данные могут быть применены в

теоретических курсах по лингвистике, этнолингвистике, переводу, теории и практике межкультурной коммуникации и лингвокультурологии, а также в практике преподавания русского и турецкого языков как иностранных; лексикографические данные могут быть использованы при создании русско-турецких фразеологических словарей и учебных пособий, ориентированных на изучение русского и турецкого языков; также эти данные могут способствовать облегчению взаимопонимания между представителями двух народов.

Апробация работы. Основные результаты и положения исследования были представлены на следующих научных конференциях и семинарах: XXI Международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов»: «Актуальные проблемы филологической науки: взгляд нового поколения». Москва, МГУ, 2014 г.; IX Международная научно-практическая конференция «Общество – язык – культура: актуальные проблемы взаимодействия в XXI веке». Москва, Московский институт лингвистики, 2014 г.; V Международная научно-практическая конференция «Русский язык и культура в современном образовательном пространстве». Москва, МГУ, 2014 г.; XV Международный научно-практический семинар «Русское культурное пространство». Москва, ЦМО МГУ, 2014 г.; XVI Международная научно-практическая конференция «Русское культурное пространство». Москва, ЦМО МГУ, 2015 г.; Международная научная конференция «Жизнь языка в культуре и социуме – 5». Москва, Институт языкознания РАН и Российский университет дружбы народов, 2015 г.; VII Международный Крымский лингвистический конгресс «Язык и мир». Крымский республиканский институт постдипломного педагогического образования, Ялта, 2015 г.; Международная научная конференция «Язык лингвокультурологии: теория vs. эмпирия». Москва, Институт языкознания РАН, 2015 г.

Структура работы определяется ее исследовательскими задачами в соответствии с целью и методами работы.

Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав с выводами в конце каждой главы, заключения, библиографии и двух приложений. Общий объем диссертации составляет 208 страниц.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** определяются объект, предмет, цель и задачи работы, дается описание материала, обосновывается актуальность выбранной темы исследования, ее научная новизна, формулируются основные положения, выносимые на защиту, перечисляются методы исследования, подтверждается теоретическая и практическая значимость работы, приводятся данные апробации исследования, описывается структура работы, а также дается краткое содержание диссертации.

В первой главе диссертации («Теоретические основы и базовые понятия лингвокультурологического анализа») прослеживается история изучения взаимосвязи языка и культуры в исследованиях зарубежных и российских ученых, описываются особенности воплощения культурной семантики в языковом знаке, дается определение языкового сознания и языковой картины мира, определяется место лингвокультурологии в ряду других лингвистических дисциплин, определяется понятие кода культуры и описываются виды кодов культуры, устанавливается соотношение кода культуры и естественного языка, рассматривается понятие фразеологии в русской и турецкой лингвистике, исследуется взаимодействие кода культуры и мифа.

В разделе 1.1. **«Взаимосвязь языка и культуры, особенности воплощения культурной семантики в языковом знаке»** даются теоретические основы лингвокультурологии: рассматриваются феномены языка и культуры, исследуется соотношение языка и культуры в исследованиях зарубежных и русских ученых (см. работы таких ученых, как, например, В. фон Гумбольдт, А.А. Потебня, Ш. Балли, Г.Г. Шпет, Й.Л. Вайсгербер, Э. Сепир, Б.Л. Уорф, В.В. Виноградов, Н.И. Толстой, Д.Н. Шмелев, Ю.Д. Апресян и др.),

а также рассматривается вопрос воплощения культурной информации в знаках языка.

Изучение соотношения языка и культуры позволяет нам полагать, что, с одной стороны, «в реально-историческом функционировании языка и культура неотделимы: невозможно существование языка, который не был бы погружен в контекст культуры, и культуры, которая не имела бы в центре себя структуры типа естественного языка»², а с другой – в основе взаимодействия языка и культуры лежит еще одно важное звено – понятие “народный дух”, предложенное В. фон Гумбольдтом, который утверждает, что «чем сильнее воздействие духа на язык, тем закономерней и богаче развитие последнего».³

Некоторые исследователи связывают теоретические предпосылки возникновения лингвокультурологии как научной дисциплины с “гипотезой лингвистической относительности” Э. Сепира и Б. Уорфа. Согласно этой гипотезе, люди, которые говорят на разных языках и принадлежат к разным культурам, по-разному воспринимают окружающий их мир. Из этого следует, что в основе гипотезы Сепира-Уорфа лежит утверждение неразрывности и единства языка и культуры.

В современной лингвистике основные теоретические предпосылки лингвокультурологии заложены и разработаны в трудах В.Н. Телия, полагающей, что язык и культура рассматриваются как две семиотические системы, и каждая из них имеет свой собственный язык. Таким образом, «естественный язык, когда он выполняет по отношению к культуре орудийную функцию, обретает роль языка культуры: двусторонние единицы естественного языка становятся телами культурных знаков».⁴ Знаки естественного языка рассматриваются в лингвокультурологии как «тела» знаков языка культуры.

² Лотман Ю.М. Избранные статьи. В 3-х тт. – Таллин: Александра, 1993. – 1426 с.

³ Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000. – 452 с.

⁴ Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 228 с.

В нашем исследовании язык рассматривается как орудие и условие существования культуры. Культура может быть определена, прежде всего, как историческая память, благодаря своей коммуникативной и символической природе она является средством хранения и трансляции различной социальной и культурной информации о воспринимаемой человеком действительности. При этом язык является специфическим демиургом культурной реальности того или иного лингвокультурного сообщества.

В разделе 1.2. **«Языковое сознание и языковая картина мира»** рассматривается вопрос о том, что скрывается за понятиями “языковое сознание” и “языковая картина мира”, представлена история появления и развития этих понятий в научной литературе.

Автор данного исследования присоединяется к мнению тех ученых, которые утверждают, что сознание есть специфически человеческая форма отражения действительности и высший тип психики (А.А. Леонтьев, А.Н. Леонтьев, Е.Ф. Тарасов, В.В. Красных и др.). В данной работе “языковое сознание” определяется «как совокупность образов сознания, формируемых и овнешняемых при помощи языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей».⁵

Предпосылки теоретических оснований понятия языковой картины мира лежат в учениях В. фон Гумбольдта, Й.Л. Вайсгербера (учение о внутренней форме языка), Э. Сепира и Б.Л. Уорфа (гипотеза лингвистической относительности Сепира-Уорфа).

Под языковой картиной мира нами понимается совокупность представлений человека о мире, закрепленных в языковых знаках и запечатленных в языковых сущностях.

В разделе 1.3. **«Особенности лингвокультурологического подхода к изучению языка и культуры»** внимание акцентируется на описании

⁵ Тарасов Е. Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира / отв. ред. Н. В. Уфимцева. – М.: ИЯ РАН, 2000. – С. 24–32.

возникновения лингвокультурологии, ее объекте, предмете, цели и особенностях лингвокультурологического подхода к изучению языка и культуры.

Лингвокультурология, возникшая в русле антропологической парадигмы в гуманитарных науках в середине 90-х годов прошлого века, ориентирована на глубинное изучение вопроса взаимосвязи языка и культуры. В современной лингвистике ее основные теоретические положения и постулаты заложены и обоснованы в трудах В.Н. Телия, которая пишет, что лингвокультурология – это «научная дисциплина, исследующая воплощенные в живой национальный язык материальную культуру и менталитет и проявляющиеся в языковых процессах в их действенной преемственности с языком и культурой этноса».⁶

В разделе 1.4. **«Коды культуры: проблема определения и классификации»** определяется понятие кодов культуры и предлагается их возможная классификация, рассматриваются различные подходы к данной проблематике.

Коды культуры – это «те источники окультуренного мировидения (живые существа, артефакты, ментефакты), которые явились предметами культурного осмысления и оценивания в контексте культуры и которые служат своего рода “обозначаемыми” собственно культурных знаков, которые и лежат в основе тропеического осмысления языковых сущностей, представляя собой “подоснову” культурной интерпретации явленного в языковой оболочке языкового образа».⁷

В разделе 1.5. **«Семантика единиц культурного кода и их способность выступать в качестве знаков вторичной семиотической системы»** ставится вопрос о соотношении единиц естественного языка и единиц культурного кода как принадлежащих двум семиотическим системам.

⁶ Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. / В.Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 228 с.

⁷ Телия В.Н. О феномене воспроизводимости языковых выражений / В.Н. Телия // Язык, сознание, коммуникация: Сб. Статей. Вып. 30. – М.: МАКС ПРЕСС, 2005. – С. 4-42.

Говоря о естественном языке и коде культуры как о разных семиотических системах, мы будем придерживаться мнения Д.Б. Гудкова, который, опираясь на идеи Р. Барта, рассматривает «имена, принадлежащие коду культуры, как элементы вторичной семиотической системы, образуемой этим кодом, знаки второго уровня».⁸

В разделе 1.6. **«Код культуры и фразеология»** рассматривается корреляция фразеологизма с его словами-компонентами, с кодами культуры, кодирующими культурные смыслы в содержании фразеологизма.

В разделе 1.6.1. **«Понятие фразеологизма: существующие подходы в русской и турецкой лингвистике»** определяется понятие фразеологизма, дается краткий обзор исследований, посвященных изучению данной единицы в двух лингвистических традициях, описываются сходные и различные подходы к пониманию данного термина.

Проблематике изучения “фразеологии” посвящали исследования многие русские ученые, в том числе ведущие российские лингвисты (В.В. Виноградов, Б.А. Ларин, А.В. Кунин, А.М. Бабкин, С.И. Ожегов, Д.Н. Ушаков, В.П. Жуков, В.Н. Телия, А.И. Федоров, В.М. Мокиенко, В.Г. Гак, Н.М. Шанский и др.); в их исследованиях были сформулированы основные понятия фразеологии.

В работе принимается определение В.Н. Телия, которая понимает “фразеологизм” как сочетание слов, характеризующееся устойчивостью, воспроизводимостью и образной мотивированностью (В.Н. Телия, 2006).

В турецком языкознании “фразеологии” как самостоятельной дисциплине посвящены исследовательские труды О.А. Аксоя, Д. Аксана, Л.С. Узуна, Ш.С. Елчина и ряда других ученых. В них были сформулированы основные теоретические положения и постулаты турецкой фразеологии, заложенные Т. Доганаем, А. Пюскюллюоглу, С. Эмиром.

⁸ Гудков Д.Б. Единицы кодов культуры: проблема семиотики // Язык, сознание, коммуникация: Сб. Статей. Вып. 26. – М.: «Макс Пресс», 2004. – С. 39-50.

В турецкой лингвистике, в отличие от русской, фразеологизм понимается в широком смысле, т.е. в большинстве случаев фразеологизмами называются те слова или выражения, которые имеют значение, отличное от буквального (общеязыкового).

В разделе 1.6.2. **«Культурно-мифологическая символическая семантика фразеологизмов»** рассматривается фразеологизм как знак вторичной семиотизации, выполняющий особую функцию и оказывающийся наделенным особой культурно-мифологической семантикой, которую мы называем “символическим значением”, а также описывается воплощение культурно-мифологической семантики в языковых сущностях.

Во второй главе (**«Природно-ландшафтный код культуры. Проблема описания»**) исследуется “пространство” как одно из базовых понятий мифологии и культуры, дается определение природно-ландшафтного кода культуры, раскрывается роль природно-ландшафтного кода в системе естественного языка и культурных кодов.

В разделе 2.1. **«Мифология пространства в культуре»** дается обзор исследований понятия “пространства”, выделяются свойства пространства, представленные в мифопоэтической картине мира человека.

Со времен В. фон Гумбольдта, полагавшего, что «язык сплетается из пространства»⁹, отражение пространственных представлений человека в языковых данных привлекает к себе внимание многих лингвистов (В.Н. Топоров, Вяч. Вс. Иванов, В.В. Иванов, Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский, Н.И. Толстой, С.М. Толстая, А. Вежбицкая, Н.Д. Арутюнова, В.Н. Телия, Е.С. Яковлева, Т.В. Цивьян, В.Г. Гак и др.).

На основании рассмотренных языковых данных можно сделать вывод о том, что в турецкой языковой картине мира пространство строится в большой степени по вертикали, и членение мира на ‘свой – чужой’ накладывается в

⁹ Цит. по: Подорога В.А. Метафизика ландшафта. Коммуникативные стратегии в философской культуре XIX — XX вв. М.: «Наука», 1993. – 319 с.

основном на вертикальную ось. Русский же народ структурирует пространство в значительной степени по горизонтали, возможно, под влиянием бескрайних просторов, так как русский человек чувствует себя со всех сторон окруженным обширными пространствами. Это отчетливо отражено в языковых данных.

В разделе 2.2. **«Природно-ландшафтный код в системе естественного языка»** уточняется определение природно-ландшафтного кода культуры как занимающего одно из центральных мест среди иных культурных кодов (соматического, антропоморфного, гастрономического и др.) и рассматриваются единицы природно-ландшафтного кода в системе культурных кодов. Обращается внимание как на универсальное, так и на национально-специфическое в содержании природно-ландшафтного кода, определяется его положение в национальном культурном пространстве.

В третьей главе диссертации **«Комплексный анализ природно-ландшафтных объектов на материале русского и турецкого языков»** проводится лингвокультурологический анализ фразеологических единиц, соотносимых с природно-ландшафтным кодом культуры.

В разделе 3.1. **«Анализ фразеологизмов в лингвокультурологическом аспекте»** рассматриваются основные принципы лингвокультурологического описания и интерпретации фразеологизмов, которые были предложены и разработаны В.Н. Телия в соавторстве с научным коллективом и реализованы в следующем лингвокультурологическом словаре: Большой фразеологический словарь русского языка – (2006).¹⁰

В процессе проведенного анализа выявляются и описываются культурно-национальные коннотации, в которых проявляются культурные смыслы в виде представлений, знаний и ассоциаций с архетипами, мифологемами, эталонами, стереотипами, символами.

¹⁰ Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В.Н. Телия. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с. – БФСРЯ 2006.

В разделе 3.2. «Комплексный анализ языковых единиц природно-ландшафтного кода культуры русского и турецкого языков» в рамках лингвокультурологического подхода проводится комплексный анализ языковых единиц природно-ландшафтного кода ('гора', 'скала', 'пропасть', 'лес', 'бор', 'поле', 'море', 'река', 'озеро', 'болото', 'омут'), которые реализуется в функционировании данных единиц в составе фразеологизмов. Анализируются языковые данные русского языка в сопоставлении с данными турецкого языка и описываются базовые сходства и различия двух лингвокультур.

Отбор языковых единиц проводился на материале фразеологических словарей русского и турецкого языков.

Компоненты 'гора' ('dağ'), 'лес/бор' ('orman/çam'), 'море' ('deniz') и др. являются одними из ряда природно-ландшафтных объектов, связанных с восприятием и структурированием окружающего мира.

Эти компоненты занимают важное место в национально-культурном пространстве русского и турецкого народов, т.к. они «насыщены» древнейшими архетипическими и мифологическими представлениями. Продемонстрируем это, сопоставив фразеологические единицы с вышеуказанными компонентами в русском и турецком языках.

«ГОРА» и «ДАĞ»

Проведенный нами лингвокультурологический анализ лексем и фразеологических единиц с компонентами 'Гора' и 'Dağ' в русском и турецком языках позволил выявить некоторые общие и национально-культурные специфические черты русской и турецкой лингвокультур.

Общим является следующее:

- 1) Русское 'гора', как и турецкое 'dağ', выступает в качестве эталона огромного размера, масштабности, непомерной тяжести и, соответственно, неподвижности; в единицах языка реализуется базовая архетипическая

- оппозиция ‘легко – тяжело’ и ‘верх – низ’ (см. в русск.: *Гора с плеч; Воротить горы* и др., в турецк.: *Dağ (dağları) devirmek (Валить гору(-ы))*).
- 2) Оба компонента выступают как составляющие архетипической метафоры и оппозиций ‘верх – низ’ и ‘большой – маленький’, эталон большого размера чего-либо (см. в русск.: *Обещать золотые горы; гора горой; как гора* и др., в турецк.: *Aralarında dağlar kadar fark olmak (Различие величиной с гору между ними); Alçacık (Küçücük) dağları ben yarattım demek (Говорить, что я сотворил низжайшие (маленькие) горы)*).
 - 3) В обеих лингвокультурах ‘гора’ и ‘dağ’ играют роль символа непреодолимой преграды (границы), т.е. выступают в качестве объекта, ассоциирующегося с надежностью, постоянством и т.д. (см. в русск.: *(Надеяться на кого-либо) Как на каменную гору; стоять горой* и др., в турецк.: *Güvendiği dağlara kar yağmak (Снег выпадает на проверенные горы)*).
 - 4) Человек как индивидуум часто представляется в образе ‘горы’ (см. в русск.: *(Надеяться на кого-либо) Как на каменную гору* и др., в турецк.: *Allah dağına göre kar verir (Аллах дает снег по горе)*).
 - 5) Оба объекта выступают как «чужое» пространство, таящее опасности (в русск.: *За горами, за долами* и др., в турецк.: *Dağa çıkmak (Уйти в гору); Dağa kaldırmak (Утащить в горы)*).
 - 6) ‘Гора’ в обеих лингвокультурах – эталон большого количества чего-либо (см. в русск.: *Гора проблем, книг* и др., в турецк.: *Dağ kadar dert; dağ kadar para (Горе как гора; деньги как гора)*).

Среди различий отметим следующие:

- 1) В турецкой фразеологии не представлены единицы, в которых лексема ‘гора’ (‘dağ’) связана с пространственной метафорой, при которой «верх» ассоциируется с изобилием, успехом, высоким положением, а «низ» – с малым количеством, неудачей и т.д. (см. в русск.: *Идти в гору; катиться под гору*).

- 2) Турецкое 'гора' ('dağ') оказывается амбивалентным объектом, связанным с представлениями о потустороннем мире: с одной стороны, гора оказывается «чужим» и опасным местом, а с другой стороны, священным пространством для человека. (см. в турецк.: для первого случая – *Dağa çıkmak (Уйти в гору)*; *Dağdan gelip bağıdakini kovmak (Спустившись с горы, выгонять тех, кто в саду)*; для последнего случая – *Allah dağına göre kar verir (Аллах дает снег по горе)*).
- 3) В русской языковой картине мира 'гора' в основном выступает под знаком «чуждости» (см. в русск.: *На кудыкину гору; за горами, за долами*).
- 4) В турецкой фразеологии отсутствуют ассоциация 'горы' ('dağ') с временной и пространственной близостью (см. в русск.: *Не за горами*).
- 5) В русской фразеологии не обнаружены идиомы, в которых лексема 'гора' связана с представлением о силе, защищающей человека от внешних опасностей и злых духов (см. в турецк.: *Dağlara taşlara*) Данное выражение употребляется, когда речь идет о неприятных событиях, так говорят, желая, чтобы эти события отделились от человека, и Бог избавил от них человека.
- 6) В турецкой фразеологии не представлены идиомы, в которых лексема 'гора' ('dağ') ассоциируется с представлением о максимальной удаленности (см. в русск.: *На кудыкину гору; за горами, за долами*).
- 7) В русской лингвокультуре не существует единиц, в которых 'гора' связана с представлением о просторе, раздолье и бескрайней шири (см. в турецк.: *Dağ taş (Гора камень – со значением 'повсюду, везде', при этом имеется в виду максимально большое и широкое пространство)*).

«ЛЕС-БОР» и «ORMAN-ÇAM»

Общим является следующее:

- 1) Данные компоненты в обеих лингвокультурах воспринимаются как «чужое» и враждебное человеку пространство, таящее в себе опасности и

угрозы (см. в русск.: *Темный (дремучий) лес; как в темном лесу; сыр-бор (загорелся, разгорелся, горит)* и т.д., в турецк.: *Orman kibarı (Лесной дикарь); Çam devirmek (Валить бор)*).

- 2) 'Лес' и 'Orman' выступают как эталон неизвестного, запутанного и непостижимого для человека (см. в русск.: *За деревьями не (у)видеть леса* и др., в турецк.: *Orman taşlamak (Забросать камнями лес)*).
- 3) Эти объекты связаны с представлением о дикой, одинокой жизни (см. в русск.: *Сколько волка ни корми, он все в лес смотрит* и др., в турецк.: *Orman kibarı (Лесной дикарь)*).

Различным является следующее:

- 1) В турецкой фразеологии отсутствуют единицы, в которых лексемы 'лес' и 'orman' и 'бор' ('çam') связаны с представлением об освоенном и полезном пространстве для удовлетворения определенных потребностей человека, соответственно, о хозяйственно-трудовой деятельности (см. в русск.: *Кто в лес, кто по дрова; с бору да с сосенки*).
- 2) В турецкой языковой картине мира 'лес' ('orman') как природная среда противопоставляется окультуренному пространству через животное "медведь", в русской – через животное "волк" (см. в русск.: *Сколько волка ни корми, он все в лес смотрит* и др., в турецк.: *Orman kibarı (Лесной дикарь)*).
- 3) В отличие от русского 'бор', турецкое 'çam' выступает как эталон чего-либо большого по размеру (см. в турецк.: *Çam yarması (Крупный бор)*).
- 4) Фразеологические единицы турецкого языка с лексемами 'лес' ('orman') и 'бор' ('çam') не дают оснований для связи называемых ими предметов с представлением о большом пространстве (см. в русск.: *За деревьями не (у)видеть леса; как деревьев в лесу* и др.).
- 5) В турецком языковом сознании 'лес' ('orman') и 'бор' ('çam') выступают всегда под знаком «чуждости» (см. в турецк.: *Orman gibi (как лес); Çam*

devirtmek (Валить бор); *Orman kibarı* (Лесной дикарь); *Çam yarması* (Крупный бор)).

«МОРЕ» и «DENİZ»

Общим является следующее:

- 1) 'Море' и 'Deniz' – символ безграничности, бескрайности, огромности (см. в русск.: *Капля в море* и др., в турецк.: *Denizde balık* (Рыба в море); *Denizde kum, onda para* (Деньги у кого-либо – песок в море)).
- 2) Оба компонента в двух лингвокультурах выступают как граница между миром живых и миром мертвых и, соответственно, символизируют «чужое» пространство, противопоставленное освоенному людьми миру – дому, следовательно, максимально опасное и враждебное для человека (см. в турецк.: *Denizden çıkmış balığa dönnek* (Превратиться в рыбу, вышедшую из моря); *Dört yanı deniz kesilmek* (Становиться окруженным морем с четырех сторон) и др., в русск.: *Со дна моря (морского) достать*).
- 3) Оба компонента выступают эталоном большого или огромного количества, объема и изобилия чего-либо (см. в русск.: *Разливанное море; море по колено* и др.; в турецк.: *Derya (deniz) gibi* (Как море); *Denizde kum, onda para* (Деньги у кого-либо – песок в море)).
- 4) Русское 'море', как и турецкие 'deniz', 'derya' задает параметры космического устройства пространства в вертикальном измерении 'верх – низ' (см. русск.: *Со дна моря (морского) достать*; в турецк.: *Derya (deniz) gibi* (Как море)).

Среди отличий отметим следующее:

- 1) В отличие от русского 'морья', лексема 'deniz/derya' в турецкой языковой картине мира выступает как символ мудрости (см. в турецк.: *Derya(deniz) gibi* (Как море)).

- 2) Единица ‘море’ в русской фразеологии связана с представлением о бездействии и пассивном ожидании чего-либо: (см. в русск.: *Ждать у моря погоды*), чего не наблюдается в турецкой фразеологии.
- 3) В отличие от русского ‘моря’, ‘deniz’ имеет связь с представлением о крайней сложности достижения чего-либо (см. в турецк.: *Denizden geçip, çayda (kuyu) boğulmak* (Прошел через море, а в речке захлебнулся); *Deniz kenarında kuyu kazmak* (Рыть колодцы возле моря); *Denize girse topuğu ıslanmaz* (Даже входя в море, не мочит пяток)).
- 4) В отличие от турецкого языка, в русском лексема ‘море’ связана с представлением об удаленности чего-либо от человеческого мира, то есть о нахождении чего-либо «на краю земли» (см. в русск.: *За морем; не за морем*).
- 5) Турецкое ‘deniz’, в отличие от русского ‘море’, связывается с представлением о безвыходной ситуации в жизни человека (см. в турецк.: *Dört yanı deniz kesilmek* (Становиться окруженным морем с четырех сторон)).

Лексемы ‘река’, ‘омут’, ‘пропасть’, ‘болото’ и др. в двух лингвокультурах в значительной степени обладают схожей семантикой, но также есть и различия, – это связано, вероятно, с отличием в архетипических и мифологических представлениях русского и турецкого народов.

Наряду с компонентами ‘гора’, ‘лес/бор’ и ‘море’ был проведен лингвокультурологический анализ на материале лексем и фразеологических единиц с элементами ‘река’, ‘пропасть’, ‘омут’, ‘болото’ (‘поле’, ‘скала’, ‘озеро’ в Приложении). Лексикографические результаты данного анализа были подробно представлены в третьем разделе (3.2)).

Исследование способствовало выявлению нескольких очень важных, свойственных как русскому, так и турецкому народу, архетипических и мифологических представлений, относящихся к категории пространства:

- 1) Для русского и турецкого языковых сознаний характерно восприятие структурированного пространства как «чужого», противопоставленного «своему» (человеческому дому), посредством восприятия следующих природно-ландшафтных объектов: ‘гора’, ‘лес’, ‘море’, ‘река’, ‘болото’, ‘омут’, ‘пропасть’;
- 2) В турецкой и русской лингвокультурах большое количество, нерасчлененное множество различных объектов в метрически-эталонной системе обозначается метафорически в образе ‘горы’ и ‘моря’;
- 3) В обеих лингвокультурах ‘река’ и ‘море’ могут связываться с жизнью и жизненной деятельностью человека;
- 4) В русской и турецкой языковых картинах мира ‘гора’, ‘лес’, ‘пропасть’, ‘омут’, ‘болото’ связаны с представлением об опасном и неизведанном пространстве, следовательно, выступают как эталоны потенциальной опасности для человека.

В ходе лингвокультурологического анализа нам удалось обнаружить и охарактеризовать некоторые специфические черты русской и турецкой лингвокультур, связанные с восприятием пространства:

- 1) При концептуализации пространства для сознания русского человека характерна горизонтальная, равнинная пространственная модель мира, и членение на ‘свой – чужой’ и ‘далеко – близко’ располагается на горизонтальной оси, в то время как турецкому языковому сознанию свойственна вертикальная модель мира при реконструкции окружающего мира, и членение на ‘свой – чужой’ и ‘верх – низ’ располагается на вертикальной оси.
- 2) Для русского народа ‘поле’ является чрезвычайно важным образом, что нехарактерно для турецкого народа.
- 3) ‘Поле’ может интерпретироваться в русском языковом сознании, с одной стороны, как «свое» пространство, противопоставленное горам, лесам и связанное со сбором урожая злаков, плодов, с другой стороны, оно

представляется как «чужое» пространство, удаленное от «своего» мира, поэтому оно имеет двойственную природу.

- 4) 'Гора' в турецком языковом сознании, как и 'Поле' в русском языковом сознании, воспринимается как крайне большое пространство, бесконечная ширь, простор.

В **Заключении** обобщены основные результаты проведенного исследования и определены перспективы дальнейших исследований в данной области.

Основные положения диссертации нашли свое отражение в следующих публикациях:

1. Сарач Х. «Небесные тела в природно-ландшафтном коде русской и турецкой лингвокультур» // ФГБОУ ВО «ОГУ им. И.С. Тургенева» Вестник Орловского государственного университета: Новые гуманитарные исследования. – 2014. – № 3 (38). – С. 257-260.
2. Сарач Х., Гудков Д.Б. «Дорога» и («Yol») в природно-ландшафтном коде культуры русского и турецкого языка // Мир русского слова. – 2015. – №1. – С. 45-51.
3. Сарач Х. «Роль кодов культуры в формировании русской и турецкой языковых картин мира (на материале фразеологизмов с компонентом «Болото»)» // Вестник ЦМО МГУ (Вестник ИРЯиК МГУ) Филология. Культурология. Педагогика. Методика. – 2015. – №1. – С. 66-71.
4. Сарач Х. «Коды культуры: как одно из основных понятий лингвокультурологии (на материале фразеологизмов с компонентом «камень» и «ветер» в русском и турецком языках // Международный журнал гуманитарных наук «Ulakbilge». – 2014. – №3 (3). – С. 81-97.
5. Сарач Х. Национально-культурная специфика русского и турецкого языков в природно-ландшафтном коде культуры (на материале

- компонентом «Дорога») // Тезисы докладов Девятой международно-практической конференции. – М.: МИЛ. – 2014. – С. 44-47.
6. Сарач Х. Камень как единица природно-ландшафтного русской и турецкой лингвокультур // V Международная научно-практическая конф.: Тезисы докладов. – М.: МАКС Пресс. – 2014. – С. 44-47.
 7. Сарач Х. «Сравнение природно-ландшафтного кода в русской и турецкой лингвокультурах (на материале фразеологизмов с компонентом «Гора» и «Лес») // Материалы XX- XXI Международных конференций студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов»: Секция «филология». – М.: Издательство Московского университета. – 2015. – №6. – С. 507-514.
 8. Сарач Х. «Словарное описание природно-ландшафтного кода русской и турецкой лингвокультур на примере лексемы «Омут» // XII Международный крымский лингвистический конгресс «Язык и мир». Ялта. – 2015. С. 364-366.
 9. Сарач Х. «Гора» и «Даğ» в русской и турецкой фразеологии: Природно-ландшафтный код культуры» // Вопросы психолингвистики Институт языкознания РАН. (Статья принята к публикации в третьем номере за 2016 г.).